

С.В. Дзюба

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАНТОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

В статье анализируется кантовская концепция времени и пространства. Утверждается, что основания этой концепции лежат в разграничении принципов чувственного и рассудочного познания, осуществленном Кантом с целью решить проблемы метафизики, связанные с понятиями времени и пространства.

Ключевые слова: история философии, трансцендентальный идеализм, метафизика, время, пространство.

METAPHYSICAL GROUNDS OF KANT'S CONCEPT OF TIME AND SPACE

Kant's concept of time and space is analyzed in the article. It is argued that grounds for this concept lie in differentiation of principles of the sensual and rational knowledge, in order to solve the problems of metaphysics, which are connected with concept of time and space.

Key words: history of philosophy, transcendental idealism, metaphysics, time, space.

В качестве основания для определения времени и пространства как чистых форм чувственного созерцания Кант указывает в «Критике чистого разума» на необходимость решения общей проблемы трансцендентальной философии: как возможны априорные синтетические суждения? «Пространство и время, вместе взятые, – пишет Кант, – суть чистые формы всякого чувственного созерцания, и именно благодаря этому возможны априорные синтетические положения» [1, с. 77]. Однако анализ диссертации Канта на звание ординарного профессора 1770 г. «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира», в которой впервые формулируется данное определение, показывает, что таким основанием было для него решение проблем метафизики, а не трансцендентальной философии. В период написания диссертации Кант твердо придерживается принципов лейбницевской монадологии [5, с.87], и определение понятий времени и пространства как чистых форм чувственного созерцания предпринимается им с целью исключить их из числа чистых рассудочных понятий метафизики.

Главной задачей своей диссертации Кант объявляет разграничение принципов чувственного и рассудочного познания: «*Первая философия, содержащая принципы применения чистого рассудка, есть метафизика. А пропедевтикой ей служит наука, которая излагает различия между чувственным познанием и рассудочным; опыт такой пропедевтики представляет собой наша диссертация*» [2, с. 289].

К разграничению принципов чувственного и рассудочного познания Кант приступает с экспликации противоречия между метафизикой и математическим естествознанием в решении проблемы континуума. С точки зрения рассудочных понятий части и целого, которыми оперирует метафизика, мир как целое должен состоять из простых, далее неделимых частей. С позиции же понятий

пространства и времени, которыми оперирует в своем учении о мире математическое естествознание, мир как целое должен быть бесконечно делимым, поскольку бесконечно делимы всеобщие формы существования этого мира – пространство и время.

О возможности совмещения этих двух противоположных позиций в едином учении о мире в целом Кант задавался вопросом еще в своей магистерской диссертации 1756 г.: «Но каким же способом, наконец, можно связать метафизику с геометрией в этом деле, когда грифов запрячь вместе с конями, кажется легче, чем трансцендентальную философию сочетать с геометрией? В то время как первая упорно отрицает, что пространство делимо до бесконечности, вторая защищает это той же достоверностью, какой имеет привычку оберегать остальное» [3, с. 315]. Если в магистерской диссертации Кант считал такое совмещение возможным, то в диссертации на звание ординарного профессора он отказывается «запрягать грифов вместе с конями». Теперь решение проблемы он видит в разделении предметов метафизики и математического естествознания. Предметом метафизики, утверждает Кант, является интеллигибельный мир ноуменов, а математического естествознания – чувственно воспринимаемый мир феноменов. Первый находится вне определений пространства и времени, а второй неразрывно с ними связан. Поэтому между метафизикой, утверждающей, что интеллигибельный мир ноуменов является дискретным, и математическим естествознанием, заявляющим, что чувственно воспринимаемый мир феноменов является непрерывным, нет противоречия.

Разделяя предметы метафизики и математического естествознания, Кант производит следующее разграничение чувственности и рассудка как познавательных способностей: «*Чувственность* есть *восприимчивость* субъекта, при помощи которой возможно, что на состояние представления самого субъекта определенным образом действует присутствие какого-либо объекта. Интеллигенция (рациональность) есть *способность* субъекта, при помощи которой он в состоянии представлять себе то, что по своей природе недоступно чувствам. Предмет чувственности – чувственно воспринимаемое; то, что не содержит в себе ничего, кроме познаваемого рассудком, есть интеллигибельное. В античных школах первое называлось *феноменом*, а второе – *ноуменом*. Познание, поскольку оно подчинено законам чувственности, есть чувственное познание; поскольку же оно подчинено законам рассудка – *рассудочное*, или разумное» [2, с. 285].

Таким образом, Кант разграничивает чувственность и рассудок по трем основаниям. Во-первых, ссылаясь на онтологические представления античного платонизма, он разграничивает их по предмету познания: предметом чувственности является чувственно воспринимаемый мир феноменов, а предметом рассудка – чувственно не воспринимаемый (сверхчувственный) мир ноуменов. Во-вторых, эти познавательные способности различаются по способу получения представлений о своих предметах: чувственное знание возникает под воздействием объектов, а рассудочное – без воздействия. Наконец, в-третьих, чувственность и рассудок принципиально различаются по законам познавательной деятельности.

Определяя предметом чувственного познания феномены, а рассудочного – ноумены, Кант ссылается на онтологические представления античного платонизма, однако его интерпретация этих понятий существенно отличается от античной. Феноменальный мир в античном платонизме понимался, хотя и как не подлинный, но существующий объективно. Кант же понимает чувственно воспринимаемый мир исключительно как субъективный.

Феномен, согласно Канту, является предметом, который образуется видоизменениями состояний самого субъекта, т.е. ощущениями, поэтому он не может существовать вне субъекта. «...Все, что содержится в познании чувственного, – пишет Кант, – зависит от особого свойства субъекта, а именно, насколько он способен благодаря присутствию объектов к тому или иному видоизменению...» [2, с. 285]. Хотя Кант признает, что причиной ощущений является воздействие объектов на чувственность, однако утверждает, что ощущения зависят от воздействия объектов только по своим количест-

венным параметрам, качество же их целиком определяется природой самого субъекта. Ощущения, по мысли философа, составляют субстанциальный, далее неразложимый элемент чувственного представления, и поэтому могут рассматриваться в качестве подлинной материи чувственного представления.

Форму чувственного представления образует принцип связи ощущений, «закон координирования между собой ощущений, возникших от присутствия объекта» [2, с. 286]. Благодаря форме ощущения, возникшие под воздействием объекта, сливаются в целостное представление о предмете. Однако форма чувственного представления, утверждает Кант, не может являться результатом внешнего воздействия, т.е. ощущения, ибо связи и отношения не могут воздействовать, следовательно, эта форма должна представлять собой результат активности самого субъекта.

Поскольку феноменальный мир является субъективным как по материи, так и по форме, постольку в чувственности, утверждает Кант, объекты даны не такими, как они существуют на самом деле, а какими они нам являются. Знание о мире самом по себе, мире ноуменов, способно дать только рассудочное познание. Объективность рассудочным представлениям о ноуменах, по мысли Канта, придает то, что эти представления являются результатом дискурсивного мышления, а не воздействия ноуменов на рассудочную способность.

Кантовское разграничение чувственности и рассудка как познавательных способностей оставляет без ответа два вопроса. Во-первых, одного только отрицания воздействия ноуменов на рассудочную способность недостаточно для утверждения объективности рассудочных представлений о ноуменальном мире. Не являясь результатом воздействия этого мира, они все же остаются только субъективными представлениями об этом мире. Что может гарантировать совпадение мира, который мыслится с помощью рассудочной способности субъекта, с ноуменальным миром, который существует вне и независимо от субъекта? В диссертации этот вопрос Кант обходит молчанием, по собственному признанию философа в письме к Герцу от 21 февраля 1772 г., он обратил на него внимание, только продумывая теоретическую часть нового сочинения «Границы чувственности и разума». «В диссертации, – пишет Кант в этом письме, – я ограничился тем, что выразил природу интеллектуальных представлений лишь негативно, а именно, что они не могут быть видоизменениями души, обусловливаемыми предметом. Но как еще возможно относящееся к предмету представление без воздействия этого предмета, – это я обошел молчанием. Я тогда сказал: чувственные представления воспроизводят вещи так, как они являются, интеллектуальные – так, как они есть» [4, с. 488]. Однако даже в этом письме ответ на поставленный вопрос Кант оставляет открытым, отмечая только, что его решения, предложенные Платоном, Мальбраншем и Крузием, он не считает удовлетворительными [4, с. 489]. Тем не менее Кант в диссертации исходит из принципа, отождествляющего мир, который мыслится рассудком, с интеллигибельным миром, хотя и не может предложить теоретического обоснования этого принципа.

Во-вторых, в диссертации Кант обошел молчанием еще одну серьезную проблему. Ноумены, поскольку они носят сверхчувственный характер, не могут оказывать воздействия не только на рассудочную способность, но и на чувственность. Что же в таком случае является причиной ощущений и вызывает у субъекта представление о феноменальном мире?

Только в «Критике чистого разума» Кант дает однозначные ответы на поставленные вопросы. На первый вопрос он отвечает отрицательно: ничто не может гарантировать совпадение мира, который мыслится с помощью рассудочной способности субъекта, с ноуменальным миром, который существует вне и независимо от субъекта. Отвечая на второй вопрос, Кант вводит понятие «вещи в себе», которое не совпадает с понятием ноумена, как оно трактовалось в диссертации. Под ноуменом в диссертации понимается предмет сверхчувственного интеллигибельного мира. Он недоступен для чувственного познания, однако доступен для рассудочного познания. «Вещь в себе» в «Критике чистого разума» Кант определяет как нечто, что не может быть дано чувственно, но может быть дано рассудочно.

того разума» – это полагаемый рассудком в качестве причины ощущений предмет, непознаваемый ни для чувственности, ни для рассудка.

Последовательно проводя дальнейшее разграничение чувственного и рассудочного познания, Кант относит к сфере чувственного познания не только чувственное созерцание, но и опыт, под которым понимает логическое применение рассудка к чувственным представлениям. В опыте рассудок в соответствии со своими законами образует из единичных чувственных представлений общие эмпирические понятия, подчиняет эти понятия друг другу и сравнивает между собой. Но какой бы логической обработке ни подвергались эмпирические понятия, – подчеркивает Кант, – они все равно остаются чувственными в силу своего происхождения. Общие понятия опыта Кант называет эмпирическими, объекты опыта – феноменами, а законы опыта – законами феноменов.

К сфере чистого рассудочного познания, считает Кант, могут быть отнесены только такие понятия, которые вообще не имеют чувственного содержания. В чистом рассудочном познании понятия объектов и отношений должны быть даны самой природой рассудка, а не абстрагированы от чувственных представлений. Только с помощью таких понятий рассудок может осуществить познание сверхчувственного интеллигибельного мира и, таким образом, достичь своего реального применения.

Относительно происхождения чистых рассудочных понятий, а следовательно, истинных понятий метафизики, Кант делает очень важное разъяснение: чистые понятия рассудка являются не врожденными, а приобретенными. Эти понятия возникают в результате отвлечения, но не от чувственных представлений, подобно эмпирическим понятиям, а от действий рассудка в опыте, т.е. от логического применения рассудка. В кантовском учении о чистых понятиях рассудка как приобретенных в результате отвлечения от законов духа, считает Э. Кассирер, получило дальнейшее развитие представления Лейбница о виртуальности врожденных идей: «В этом Кант также фактически не выходит за пределы учения Лейбница, но он создал для его основной мысли новое характерное выражение, которое в своей меткости и определенности ведет к уточнению и углублению проблемы «априорности» [5, с. 92-93].

Чистые рассудочные понятия, по Канту, выполняют в познании критическую и догматическую функции. Первая состоит в том, чтобы ограждать феноменальный мир от интеллигибельного и тем самым предохранять метафизику от заблуждений, вторая – в том, чтобы служить основой для метафизического познания ноуменального совершенства мира.

Человеку, подчеркивает Кант, не дано созерцание интеллигибельного мира, для него возможно познание только его символов: через общие понятия в абстрактной форме. В чувственном созерцании феномены всегда даны как единичные предметы среди других единичных предметов, и формальным принципом различения одних предметов от других является их отношение к пространству и времени. В чистом же рассудочном познании ноумены мыслятся посредством множества общих понятий, а формальным принципом различения одних понятий от других выступают логические отношения.

Эмпирические понятия находятся в тех же самых логических отношениях, что и чистые рассудочные понятия, однако значениями этих понятий выступают чувственно воспринимаемые предметы, которые находятся в определенных пространственно-временных отношениях. Поэтому использование пространственно-временных отношений в случае эмпирических понятий Кант считает правомерным: оно позволяет относить эти понятия к чувственно созерцаемым феноменам, от которых они собственно и отвлечены. В отношении же чистых рассудочных понятий такое использование недопустимо, так как они отвлечены от логических функций мышления. Понятия чистого рассудка и отношения между этими понятиями, считает Кант, выражают предметы и отношения самого интеллигибельного мира, поэтому если между чистыми рассудочными понятиями нет пространственных и временных отношений, то их не должно быть и между предметами интеллигибельного мира.

Далее Кант переходит к обстоятельному доказательству положений о времени и пространстве как формальных принципах феноменального мира, большинство из которых перешло в учение о чувственности в «Критике чистого разума». Аргументация Канта как в отношении времени, так и в отношении пространства строится примерно по одному плану, поэтому мы ограничимся анализом его положений о времени как принципе формы чувственно воспринимаемого мира.

Первое положение гласит: «*Идея времени не возникает из чувств, а предполагается ими*» [2, с. 293]. Идея времени не может происходить из чувственного опыта. Те, кто считает, что время выводится из восприятия ряда событий, существующих одно после другого, не учитывают, что само это «после» не может быть определено без предварительного представления о времени: «Ведь происходящее одно *после* другого есть то, что существует в *разное время*, так же как существовать совместно – значит существовать в *одно и то же время*» [2, с. 293]. Здесь Кант воспроизводит тезис о круге в определении времени через последовательность состояний, который он неоднократно высказывал в своих предыдущих своих работах, но тогда он считал его свидетельством принадлежности времени к категориям чистого рассудка [6, с. 168-171]. Теперь же этот тезис используется для доказательства того, что представления о времени должны предварять ощущения, а не возникать из них.

Во втором положении Кант утверждает: «*Время – идея единичная, а не всеобщая*» [2, с. 294]. Мы можем представить себе только одно единое время, и различные времена в этом представлении являются не видами общего понятия времени, а частями времени. Феномены мы представляем как существующие в различных частях времени, а не мыслим их как подчиненные общему понятию времени. Следовательно, идея времени является не общим понятием рассудка, а единичным представлением чувственности.

Третье положение: «*...Идея времени есть созерцание*» [2, с. 294]. Поскольку, с одной стороны, идея времени предваряет ощущения, т.е. не зависит от них, а с другой, – является единичным представлением чувственности, то она должна представлять собой идею не чувственного (т.е. происходящего из ощущений), а чистого созерцания.

В четвертом положении Кант объясняет, почему время как форма чувственности оказывается величиной непрерывной и почему представление о непрерывности времени входит в противоречие с принципами рассудка: «*Время есть величина непрерывная* и принцип законов непрерывности в изменениях Вселенной» [2, с. 294]. Посредством идеи времени как чистого созерцания, полагает Кант, представляются только чистые отношения между моментами времени, поэтому при устранении этих отношений от моментов ничего не остается. Моменты времени, подчеркивает Кант, являются не частями времени, а границами, которые отделяют части времени. Таким образом, время оказывается бесконечно делимым благодаря чувственным представлениям о границах (моментах), отделяющих одну часть времени от другой. Именно благодаря этому представлению время делится не на самостоятельные части, как это происходило бы по законам рассудочного познания, а на части, которые являются границами целого, и, которые вне этого целого не имеют никакого самостоятельного значения. «Итак, – пишет Кант, любая часть времени есть время, и все простое, что заключается во времени, а именно моменты, есть не части его, а границы, между которыми находится время» [2, с. 294].

Пятое положение: «*Время не есть что-то объективное и реальное*: оно не субстанция, не акциденция, не отношение, а субъективное условие, по природе человеческого ума необходимое для координации между собой всего чувственно воспринимаемого по определенному закону, и *чистое созерцание*» [2, с. 295-296]. С одной стороны, этим тезисом Кант полностью отрицает принадлежность времени к объективно существующему интеллигибельному миру. Время не является ни субстанцией, ни акциденцией, ни отношением этого мира, оно является реальностью только в феноменальном мире, а этот мир является субъективным. С другой стороны, Кант противопоставляет свою концепцию времени концепциям Ньютона и Лейбница [5, с. 97-99].

Комментируя этот тезис, Кант делает важное разъяснение в отношении такого свойства времени как длительность. Количество времени, или длительность, по мысли философа, нельзя определить исходя из одного только чистого созерцания. Время как чистое созерцание содержит лишь принцип координации отношений между моментами, поэтому оно не обладает свойством длительности. Это свойство появляется у времени только в чувственном созерцании, т. е. созерцании, которое сопровождается ощущениями. Кант пишет: «А что о *количестве* времени мы можем судить только конкретно, а именно или по *движению*, или по *ряду мыслей*, то это объясняется тем, что понятие времени покоится только на внутреннем законе ума, а не есть какое-то врожденное созерцание, и потому этот акт духа, координирующего свои ощущения, вызывается только чувствами» [2, с. 297].

В шестом и седьмом положениях Кант утверждает реальность и всеобщность времени в чувственно воспринимаемом мире, подчеркивая, что нелепо вооружать разум против принципов времени, поскольку они принадлежат к независимой от рассудка познавательной способности – чувственности.

Примерно по тому же плану и с теми же аргументами Кант осуществляет доказательство положений о пространстве как принципе формы чувственно воспринимаемого мира. Резюмируя свою аргументацию в отношении пространства и времени как принципов чувственного познания, он снова подчеркивает, что противоречие между дискретным и континуальным представлением мира не может быть разрешено в пользу только одного или другого представления, поскольку коренится в природе наших познавательных способностей. То, что мир дискретен с точки зрения категорий части и целого и непрерывен с точки зрения представлений о пространстве и времени, является не внутренним противоречием рассудочного мышления, а противоречием между принципами рассудочного и чувственного познания. Кант пишет: «Таковы два принципа чувственного познания, не общие понятия, как в рассудочном [познании], а единичные созерцания, но чистые. В них в отличие от того, что предписывают законы разума, части, и особенно простые, не содержат основания возможности сложного, а по образцу чувственного созерцания *бесконечное содержит в себе основание* каждой мыслимой *части* и, наконец, [основание] простой части или, вернее, [основание] *границы*. Ведь только в данном бесконечном пространстве и времени любое определенное пространство и время могут быть указаны *посредством ограничения*; и точка, и момент не могут быть мыслимы сами по себе, а простираются только в данном уже пространстве и времени как их границы. Таким образом, все первоначальные свойства этих понятий – вне пределов разума и потому никак не могут быть объяснены рассудочно. Тем не менее они дают *рассудку основания*, когда он из первых созерцательно данных по логическим законам делает выводы с величайшей достоверностью» [2, с. 302].

В последнем разделе своей диссертации Кант, обсуждая «вопрос о *вредоносном смешении чувственного познания с рассудочным*», утверждает, что «нужно всячески остерегаться того, чтобы *принципы чувственного познания выходили за свои пределы и касались рассудочных [познаний]*» [2, с. 310]. Именно такое смешение ведет к «нелепым» для метафизики вопросам: о местопребывании нематериальных субстанций, об обиталище души, о бесконечности Бога в пространстве и во времени и др.

Таким образом, хотя в «Критике чистого разума» Кант заявляет, что определение времени и пространства как чистых форм чувственного созерцания призвано решить общую проблему трансцендентальной философии, первоначальная разработка данного определения, произведенная в кантовской диссертации «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира», была связана с решением проблем метафизики. В диссертации Кант относит время и пространство к чистым формам чувственности, во-первых, для того, чтобы снять противоречие между метафизикой и математическим естествознанием в вопросе о континуальности мира, во-вторых, для того, чтобы в рамках самой метафизики устранить противоречия, связанные с понятиями времени и пространства.

-
1. Кант, И. Критика чистого разума // Соч. в 8 т. – Т. 3. – М.: ЧОРО, 1994.
  2. Кант, И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Там же. – Т. 2. – М.: ЧОРО, 1994.
  3. Кант, И. Физическая монадология // Там же. – Т. 1. – М.: ЧОРО, 1994.
  4. Кант – Герцу от 21 февраля 1772 г. // Там же. – Т. 8. – М.: ЧОРО, 1994.
  5. Кассирер, Э. Жизнь и учение Канта. – СПб.: Университетская книга, 1997.
  6. Гайденко, П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2006.